

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

Открывая номер

ПОЛИТИКА **П. ЦИТКИЛОВ** — 243 дня Евгения Примакова

МИР **В. ИНОЗЕМЦЕВ** — Fin de siècle. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973—2000)

С. ЗОННЕНБЕРГ — Мечты о новом мировом порядке не сбылись?

ИСТОРИЯ **В. БУШУЕВ** — Самонадеянность силы

М. АРНОЛЬД-ФОРСТЕР — Как это случилось?

ФИЛОСОФИЯ **В. БОРЗЕНКОВ** — Жизнь, философия жизни и биофилософия

*СУДЬБЫ
РОССИИ* **Ю. АЛЕКСАНДРОВ** — Сущность советского социализма

В. ПЕРНАЦКИЙ — Утопии и реальности в российской жизни

Е. ПЕТРЕНКО, А. ЧЕРНОБАЕВ — «Общациональная задача»

АРХИВ **А. КОКУРИН, Н. ПЕТРОВ** — ГУЛАГ: структура и кадры

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

№ 8 (1486)

1999

Содержание

Открывая номер 3

ПОЛИТИКА П. ЦИТКИЛОВ — 243 дня Евгения Примакова 6

МИР В. ИНОЗЕМЦЕВ — Fin de siècle. К истории становления
постиндустриальной хозяйственной системы (1973—
2000) 19
С. ЗОННЕНБЕРГ — Мечты о новом мировом порядке не
сбылись? 43

ИСТОРИЯ В. БУШУЕВ — Самонадеянность силы 53
М. АРНОЛЬД-ФОРСТЕР — Как это случилось? 69

ФИЛОСОФИЯ В. БОРЗЕНКОВ — Жизнь, философия жизни и
биофилософия 74

**СУДЬБЫ
РОССИИ** Ю. АЛЕКСАНДРОВ — Сущность советского
социализма 85

В. ПЕРНАЦКИЙ — Утопии и реальности в российской
жизни 96

Е. ПЕТРЕНКО, А. ЧЕРНОБАЕВ — «Общенациональная
задача» 100

АРХИВ А. КОКУРИН, Н. ПЕТРОВ — ГУЛАГ: структура и
кадры 109

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 9.617

Елена
ПЕТРЕНКО,
Анатолий
ЧЕРНОБАЕВ

«ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА»

Г. ПЛЕХАНОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ
ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Вопрос о демократическом пути столь же традиционен для России, как и вопросы «что делать?» или «кто виноват?». Не решенный в XX веке, он переносится в век XXI. Какие мысли, иллюзии, заблуждения о демократических и гражданских перспективах преобразования российского общества возобладают в сознании, что окажется ненужным раритетом, а что отправной точкой нового поиска? Что сохранится из дискуссий западников и славянофилов, эсеров и социал-демократов, анархистов и легитимистов? Ответ на эти вопросы может быть предельно простым: сохранится то, что мы захотим сохранить. И нужно захотеть сохранить все, что еще можно сохранить.

Ценны любые попытки определить стратегию демократической трансформации российского социума. Сегодня уже совершенно ясно, что демократическая установка не спускается «сверху» и не привносится «извне»; она должна вырасти из стремления общества, народа, личности жить в условиях демократии, подчиняться и следовать демократическим принципам и нормам. Проблема укоренения демократического менталитета в российской действительности — проблема общественной мысли России XIX—XX веков. В контексте современных дискуссий об образах и идеалах отечественной демократии важны все исторические предтечи и аналогии, пусть даже крайне непопулярные сегодня. В связи с этим интересно обратиться к наследию практически преданного сегодня забвению Георгия Валентиновича Плеханова, бывшего одним из тех немногих русских марксистов, кто всерьез размышлял над перспективой построения демократического общества в России с учетом ее исторического своеобразия.

Значение личности и творчества Плеханова определяется не только его местом в истории российской социал-демократии, но и его ролью в целом в отечественной культуре. Известный деятель русской социал-демократии А. Потресов считал, что это — «национально-историческая роль»¹. Тем более парадоксален факт практического неприятия идей Плеханова ни революционной Россией 1917 года, ни ее интеллигенцией (прошлой и нынешней), ни современными политиками, апеллирующими к демократическому будущему России. Нередко Плеханов представляется сегодня запыленной реликвией отечественного марксистского прошлого. По сути дела, повторяется ситуация трагического одиночества, непонимания, давившая Плеханова в год после его возвращения на родину после Февральской революции, но сложившаяся задолго до этого.

Значение Плеханова как русского исторического деятеля состоит не только в том, что он привнес и утвердил марксистскую традицию в народнический и народофильский социалистический менталитет России, но и в том, что российская модернизация (урбанизация, становление гражданского общества) виделась ему как путь развития тех общественно-политических отношений, которые связаны с утверждением принципов экономической и социальной организации индустриальных социумов. Это —

ПЕТРЕНКО Елена Леонидовна — профессор Российской академии государственной службы при президенте РФ, доктор философских наук.

ЧЕРНОБАЕВ Анатолий Александрович — главный редактор журнала «Исторический архив», зав. кафедрой Московского энергетического института, доктор исторических наук, профессор.

перспектива утверждения в России демократического правопорядка, институционализации связей либеральных и социалистических сил российского общества. Социалистической демократии (по Плеханову — демократии пролетариата и для пролетариата) в России предстоит долгий путь развития через борьбу, коалиции и сотрудничество с ее политическими противниками. Либерализм, по его убеждению, не добьется политических свобод в России без энергичной поддержки социалистической демократии в лице рабочего класса. Российское революционное движение победит как движение рабочего класса или не победит никогда. Видя в социализме — новом качестве организации общественного целого средство самоосвобождения человека, Плеханов думал не столько о свержении капитализма, сколько о воздействии организованного рабочего движения на стихию исторического процесса ради проведения социальных преобразований в интересах трудящихся. Размышляя о социализме и революции, Плеханов искал пути освобождения и эмансипации России в целом, «формулировал единую национальную задачу России»²; и в этом — общенациональная, культурная ценность его идей, выходящая за рамки теории и практики социал-демократии.

Плеханов был последним из плеяды русских просветителей-демократов (В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов) — представителей разночинно-дворянской интеллигенции, к которой принадлежал и он сам. Его марксистский социализм — это одна из попыток завершить в интеллигентской среде многолетний спор западников и славянофилов, сторонников модернизации или самобытничества. Осмысливая и перерабатывая идейное наследие А. Герцена, П. Чаадаева, В. Белинского, Л. Толстого, Плеханов привносил в свои марксистские построения элементы идейной, политической традиции эмансипаторских движений в России. Он «национализировал марксизм» (Л. Троцкий), создавал «русскую версию» марксистского социализма, немалое место в котором отводилось просветительству, культурному и политическому воспитанию, изменению сознания русской интеллигенции и пролетариата. В просветительстве Плеханова воплотились те качества русской социал-демократической традиции, которые связаны с присутствием в ней элементов революционного (в смысле радикально-оппозиционного) сознания и самосознания русской интеллигенции (ощущения не востребоваваемости своей онтологической способности управлять и лидировать; менталитета догоняющей мировую цивилизацию России, дублирование западных образцов; оппозиционность по отношению к не интересующейся ее мнением власти; одержимость идеями, а не практическим социальным интересом).

Стихия Плеханова — это теоретический, интеллектуальный поиск. В центре его размышлений всегда находилась русская общественная мысль в ее эволюции и практическом воплощении, в социальных и политических проектах. Плеханов шел к марксизму, изучая западноевропейскую философию, английский и французский утопический социализм, историю революции. Но придя к определенному пониманию и толкованию марксистских идей, он обратился к России, ее экономической, политической, культурной, духовной истории и современности, пытаясь применить исходные схемы социально-экономического анализа Маркса к современной ему российской действительности. Как писал Ф. Дан, «марксистская проповедь Плеханова отметила собой эпоху, когда развитие капитализма в России начало становиться все более очевидным и неоспоримым фактом; все прогрессивные течения перестраивали свою идеологию, методы борьбы применительно к этому факту»³.

Об упрощении и схематизации Плехановым философских, социальных, политических идей Маркса много писалось и говорилось. Эта критика верна по сути. Плеханов действительно принадлежал к числу наибо-

лее ортодоксальных марксистов своего времени. Но это было его время — на рубеже XIX—XX веков еще не существовало законченной марксистской парадигматики социализма, еще не сложились идеологизированные версии марксизма, сводившие смысл социальной революции в эпоху капитализма к установлению диктатуры партии и партийной бюрократии. Самое интересное в творчестве Плеханова — не его философские работы, а его критика (в ней много публицистического поиска), его исторические труды (в них много новых для социальной теории аргументов, объясняющих своеобразие русского общества), его политические высказывания — то есть все то, что напрямую связано с «большой проблемой развития России» и демократии⁴.

ОСТАВИШИЙСЯ НЕЗАВЕРШЕННЫМ ТРУД ПЛЕХАНОВА «История русской общественной мысли»⁵ замыкает цикл его теоретических исследований общественной эволюции России, начатых работами «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». Именно «История» демонстрирует связь позиции Плеханова по вопросу о войне (оборончества) с его историческим анализом⁶. Уже в 80-е годы прошлого века Плеханов размышлял об особенностях общественного развития России. Ответ на него был найден достаточно быстро: Плеханов сформулировал тезис о своеобразном сочетании элементов Запада и Востока в прошлом и настоящем нашей страны. В своих изысканиях он шел от настоящего к прошлому, искал корни этого своеобразия в истории России. И если полемика с народолюбцами заставляла Плеханова подчеркивать то, что роднит Россию и Запад, то позже неудачи революции 1905—1907 годов побудили его обратить внимание на «европейские недочеты» России, на то, что сближает ее не с Западом, а с Востоком. «История русской общественной мысли» подводит итог его размышлениям над возможными объяснениями российской современности.

В предисловии к «Истории русской общественной мысли» Плеханов писал: «Анализ географической обстановки русского исторического процесса привел меня к тому заключению, что под ее влиянием рост производительных сил русского народа происходит очень медленно сравнительно с тем, что мы видим у более счастливых в этом отношении народов Западной Европы. Уже эта сравнительная медленность роста производительных сил, — а стало быть, и всего хода экономического развития, — в значительной степени объясняет некоторые важные, — хотя, конечно, не абсолютные, как думали славянофилы, а только относительные, — особенности нашего общественного быта... В течение довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего социально-политического строя, все более и удалялась от Запада и сближалась с Востоком. Это неизбежно должно было наложить глубокий отпечаток на то, что называется русским народным духом. Но эта же историческая обстановка положила, наконец, предел сближению Руси с Востоком и принудила ее искать сближения с Западом. Петровская эпоха составила чрезвычайно важную эпоху в истории русской общественной жизни. Ее неизбежным, хотя более или менее отдаленным, следствием явилась европеизация наших общественно-политических отношений, правда, и поныне еще не совсем законченная. Само собой понятно, что европеизация русского общественного бытия не могла не сопровождаться европеизацией русского общественного сознания»⁷. Итогом этой европеизации должна стать социальная и политическая революция в России, которая откроет дорогу цивилизованному индустриализму.

Плеханов считал правомерным применение марксистской схемы в исследовании российской истории. Но содержательно его концепция ис-

торических судеб России продолжает традиции отечественных историков — С. Соловьева, В. Ключевского. Плеханов согласен с выводами другого крупного историка Н. Павлова-Сильванского: не может быть и речи о коренном отличии древнерусского строя от феодального уклада Западной Европы. Вместе с тем он подчеркивает, что русский исторический процесс отличается от западноевропейского важными моментами, напоминающими не европейскую историю, а становление и упрочение восточных деспотий: «Россия как бы колеблется между Востоком и Западом»⁸.

Сходство эволюции России с историей восточных деспотий Плеханов не только фиксирует, но и пытается объяснить географическими условиями и особенностями культурного ареала этого развития. Начиная с Соловьева, предшественники Плеханова отмечали историческое значение однообразного характера географической среды России для формирования культурных и ментальных особенностей народа. Плеханов акцентирует особенности хозяйственной жизни как производной от географических условий: однообразие природных условий задерживало процесс дифференциации потребностей, способностей, средств и способов производства, не благоприятствовало экономическому расцвету. Пока были «порозжие земли», до тех пор история России была историей страны, колонизирующей в условиях натурального хозяйства. Избыток «порозжей земли» на много веков затянул процесс колонизации. Следствием этого стали однообразие занятий и постоянная подвижность населения, что задерживало развитие производительных сил.

Для России, считал Плеханов, характерна инертность народного хозяйства. Этот замедленный темп развития усугубил своеобразие общественных отношений в России сравнительно с Западом. Борьба «леса и степи», многовековой натиск кочевников на земледельцев, заставивший их в конце концов отступить от берегов Черного моря на неплодородный верхне-волжский суглинок, еще больше передвинули вектор развития России с Запада на Восток. Плеханов считал непреложным фактом, что покорение Казани и Астрахани в XVI веке открыло крестьянству простор для бегства из центрального междуречья на юг и юго-восток, а Московская Русь представляла в итоге, говоря словами Ключевского, «геометрическую прогрессию запустения». В этот период усиливаются все те моменты, которые сближали общественно-политическую жизнь России с восточными деспотиями. Поворот на Восток завершился полным закрепощением всех сословий государством. Закрепощение стало еще одной причиной, замедлявшей экономическое развитие страны. Однако экономика, хотя и медленно, но неуклонно эволюционировала, развивалось денежное хозяйство. Соприкосновение с Западом, поставившее задачи самообороны, переустройства войск по западноевропейскому образцу, ускоряло эти процессы. Восточная Московия начинает превращаться в европейскую Россию.

В общественно-политическом отношении этот отрыв от Востока и сближение с Западом выразились в начавшемся со времен Петра I и его преемников раскрепощении сословий и росте городской промышленности. Но раскрепощение распространялось лишь на дворян-землевладельцев. Плеханов подчеркивает: реформы XVIII века не преследовали цель европеизировать крестьянство. Напротив, в это время закрепощение крестьянина государством и землевладельцами было доведено до своего логического завершения. Именно поэтому «азиатский» характер реформ в России мало улучшал положение дел. Если «благородное» население все чаще думало и жило в соответствии с западными идеалами, социальное положение «подлых людей» подчинялось «азиатскому» укладу. В этом Плеханов видел самую глубокую причину разрыва между «народом» и более или менее просвещенным «обществом», отсюда выводил причины неудач ре-

волюции 1905—1907 годов. По его убеждению, взрыв первой русской революции был следствием европеизации России. А неудачи обусловлены тем, что процесс европеизации охватил далеко не все сферы общества.

Плеханов искренне верил в перспективы капиталистического развития России, которое он отождествлял с европеизацией. Эти процессы, по его мнению, носят спонтанный и необратимый характер; начавшись в городах, европеизация перенесется в деревню; неудачи первой русской революции постепенно потеряют свое значение. Азиатская компонента, полагал Плеханов, определяет своеобразие российской истории. Современная Россия «платится за то, что она слишком европеизирована сравнительно с Азией и недостаточно европеизирована сравнительно с Европой»⁹. Задача российской социал-демократии — содействовать европеизации России, что в политическом плане означает не что иное, как организацию рабочего класса в самостоятельную политическую силу.

«История русской общественной мысли» подытожила плехановские идеи о судьбах страны: для России путь капиталистического развития неизбежен; труден только первый шаг; ее движение от «Запада» к «Востоку» совершается все более быстрыми темпами. Ступая на путь капиталистического развития, Россия не копировала Запад, а пошла по пути индустриализма иным, ускоренным темпом и строила свои общественно-политические отношения, институты, формулировала идеи и теории применительно к своим, отличным от Запада, условиям. Для Плеханова главная тенденция общественной мысли в России — идея отрицания существующего во имя будущего; он развивает логику восприятия российской действительности Белинским, искавшим субъекта развития, «идеи отрицания на русской почве». Таким субъектом у Плеханова становится пролетариат; «идея отрицания» — идея социалистической перспективы России. Логика истории общественной мысли в России по Плеханову — логика оппозиции деспотизму, парадоксально сочетающаяся с неприятием идеи политической свободы российского общества. Плеханова поражает, что в российском революционном менталитете не исчезает убеждение, что «правительство должно и может идти впереди общества». В этом он видит «одну из относительных особенностей развития нашей общественной мысли, коренящихся в относительных особенностях нашего исторического процесса»¹⁰.

УЖЕ В 1920-е ГОДЫ плехановеды обратили внимание на тот факт, что в «Истории русской общественной мысли» присутствует осознание конститутивной роли государственного и политического моментов в истории России. Плеханов понял значение охранительной функции российской государственности, сыгравшей важную роль в формировании такой сложной (и в геополитическом, и в экономическом, и в социокультурном планах) цельности, как Россия. Именно в этом контексте он рассуждает о неоднозначности классовых коллизий: они оборачиваются «взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и... более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений»¹¹. Таким образом трансформируется схема классовой борьбы, как она изложена Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте»: Плеханов признает своеобразие борьбы классов в российских условиях. «Одной из замечательных особенностей русского исторического процесса» он считает тот «факт, что наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии, в течение очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его»¹². История России — это история страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства. Колонизация означала «однообразие занятий», «постоян-

ную подвижность населения» (С. Соловьев), мешавшие «углублению тех классовых различий, которые возникают вследствие общественного разделения труда. А это значит, что, благодаря указанным условиям, внутренняя история России не могла отличаться интенсивною взаимною борьбой общественных классов»¹³. К этой мысли Плеханов шел на протяжении многолетнего исследования русской истории. Ее он положил в основу своей политической программы в годы Первой мировой войны и революции 1917 года. Работая над «Историей русской общественной мысли», Плеханов переосмысливал собственную политическую позицию. Он не отрицает приоритетов классового. Но при этом появляется осознание значения «общенациональной задачи»: интересам государства в известной мере и при определенных условиях должны подчиняться и классовые интересы. Акцент на «общенациональном», «государственном» измерении политики — всего лишь оттенок политической мысли Плеханова. Но именно этот оттенок стал причиной отчуждения Плеханова, вставшего на позиции защиты отечества в войне, от большинства российских социал-демократов, ожидавших перерастания империалистической войны в революционную ситуацию и победоносную социалистическую революцию.

Плеханов этого периода — теоретик, политик, лидер, отстаивающий идеи сохранения экономической и политической независимости отечества и демократической коалиции либеральных и социалистических сил. Потресов заметил как-то, что «призрак мировой революции уничтожил для России всю концепцию революции буржуазной»¹⁴. Плеханов же как раз и стремился сохранить в сознании интеллигенции, политиков, масс русского общества идею неизбежности и необходимости демократических преобразований России во имя будущей социалистической перспективы. По его мнению, социализм «для России — это дело сравнительно отдаленного будущего. Теперь Россия страдает... не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития. Война, так беспощадно разоблачившая нашу постыдную техническую беспомощность и обусловленную ею страшную экономическую отсталость, доказала это с математической убедительностью»¹⁵. России следует защитить себя в войне, в противном случае победа Германии поставит ее в положение экономической зависимости, разрушит все революционные перспективы, поведет к ослаблению демократических режимов в Европе, — таков вывод, к которому пришел в годы войны Плеханов.

Россия должна «развести» «демократическую» и «социалистическую» парадигмы революционных преобразований. Идею овладения властью в Февральской революции (как, впрочем, и в революции 1905—1907 годов), использования этой власти для социалистического преобразования общества Плеханов считал преступлением перед делом политического освобождения России и перед делом социализма. Только пройдя школу демократии, постоянно повторял он, пролетариат подготовит себя к социалистическому строительству. Против лозунга захвата власти большевиками, против идеи диктатуры утопического меньшинства Плеханов выдвинул два рода аргументов: 1) практически невозможно захватить власть в России таким образом; 2) если пролетариат захватывает власть, когда пролетарское движение еще не созрело для этой власти, он «работает» не на себя, а на тот класс, движение которого уже созрело (повторение тезиса Энгельса из «Крестьянской войны в Германии» — работы, направленной против преждевременных революционных выступлений). Плеханов развивает эту мысль: для него диктатура пролетариата как революционная власть большинства в России невозможна. «Вместо диктатуры рабочего класса перед нами будет диктатура нескольких десятков лиц»¹⁶, а этим диктаторам «удалось бы организовать только голод»¹⁷. Он опасался, что следствием полной хозяйственной разрухи станет, в частности, острое

ухудшение положения русского пролетариата, а в целом — попятное движение народнохозяйственного уклада страны в сторону изжитого прошлого, «варварская реакция против реформ Петра Великого»¹⁸. Разруха может оказаться «могилой русской революции. Ставя себя в изолированное положение и тем самым взваливая на свои плечи задачу борьбы с хозяйственной разрухой, революционная демократия очень сильно рискует нанести революции смертельный удар»¹⁹. Вне коалиции для социал-демократии нет спасения в современной России, нет спасения и стране²⁰.

Приведенные рассуждения Плеханова оказались ошибочными. История показала, что захват власти радикальным политическим меньшинством в России возможен. Эта власть смогла просуществовать достаточно долго. Результат — сложился новый тип русского иерархически организованного общества. В то же время Плеханов был совершенно прав, делая акцент на коалиционном характере власти, которая призвана осуществить социальное и политическое реформирование в России. Февральскую революцию (ее, по словам Плеханова, «осуществила страна»²¹) он воспринял как первый шаг к политической свободе; свобода, полагал он, позволит объединиться всем «классам и слоям» России, «интересы которых были бы нарушены восстановлением старого порядка»²². Спасти революцию от крушения, а государство от разгрома может власть, объединяющая вокруг себя социалистические и либеральные силы общества. «Нынешнее наше правительство еще не может быть исключительно социалистическим, и не должно быть таковым... оно должно быть коалиционным, т. е. таким, в котором социалистические партии участвуют наряду с различными партиями буржуазии»²³. Необходимо «бороться со всем тем, что задерживает развитие новых производительных сил»²⁴. Экономическая платформа коалиции — реформы, и прежде всего реформы земельной собственности (с выкупом земли помещиков и передачей достаточно большого количества земли в собственность государства). Нравственное кредо, по убеждению Плеханова, — это консенсус, компромисс ценой взаимных уступок и выполнения гражданского долга. «Всякий, кто не стремится ни к реакции, ни к анархии, согласится, что в качестве гражданина демократической страны он нравственно обязан всеми силами помогать новому правительству в достижении таких целей, как устранение хозяйственной разрухи, всесторонняя защита труда, переустройство финансовой системы на демократических началах, и так далее»²⁵. Плеханов считал важным сохранить традиционную структуру власти в послереволюционной России: Советы, заявлял он, должны быть органами защиты революции, а не организациями по захвату власти, ресурсов, управления. Его политическое кредо для России 1917 года — утверждение демократического парламентаризма.

Ни в годы войны, ни в период Февраля и Октября Плеханов не изменил своего традиционно-недоверчивого отношения к крестьянству (за что эсеры называли его взгляды «примитивным марксизмом»). С его точки зрения, социалистическая революция не может победить в стране, где большинство составляет не пролетариат, а крестьянство («крестьянство — ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства... В замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается... хозяйственная деятельность крестьян направлена в сторону капитализма»). Плеханов чувствовал несоответствие социальной структуры России формуле антагонизма «буржуазия — пролетариат»; он предвидел, что, «несвоевременно захватив политическую власть, пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну»²⁶.

В ситуации, когда сторонниками политической и социальной революции в России было подавляющее большинство депутатов Учредительно-

го собрания, Плеханов осознавал, что новому правительству, если оно решится на социальный (экономический) переворот, придется либо равнодушно наблюдать за окончательным разложением экономики, либо организовывать национальное производство. Решить эту задачу на социалистическом уровне в России он считал невозможным в силу качества труда, воспитания, традиций, доминирующих среди трудящихся. Придется, по его словам, искать спасения, утверждая другие идеалы — патриархального и авторитарного коммунизма, создавать новых кумиров. Прогноз Плеханова — возродится русский бланкизм. Политическое завещание Плеханова — сделать все возможное, чтобы не допустить его победы.

ПРОЖИВ 37 ЛЕТ ЗА ГРАНИЦЕЙ, Плеханов вернулся в Россию сразу после Февральской революции и оказался, по существу, вне политической игры. Причиной были многие обстоятельства²⁷. Плеханов не получил возможности применить марксистскую теорию на практике. Он мыслил и поступал, как наблюдатель, критик, но не как политик. Л. Троцкий в статье «Беглые мысли о Г. В. Плеханове» назвал его «теоретическим предвестником» пролетариата России: «Он не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником. Он полемически отстаивал методы марксизма, но не имел возможности применять их в действии. Плеханов стремился тем более упрочить философские и теоретические корни своей позиции, чем более ему не хватало политических корней»²⁸. Надо признать, это верная и тонкая характеристика. Плеханов не нашел себя в предоктябрьской России — прежде всего потому, что понимал: на одном бунтарстве, стихийном коллективизме масс и насилии социализм построить нельзя. Завоевание политической свободы является лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, «имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем»²⁹. Установление диктатуры пролетариата в стране, где рабочий класс составляет меньшинство, он характеризовал как нонсенс, обрекающий на провал всю социал-демократическую перспективу России. Большевизм и меньшевизм — переходящие понятия для русской социал-демократии. Это скорее «значительное препятствие» на пути к решению насущных теоретических и практических задач движения³⁰. Будущее социализма в России — это будущее ее индустриальной эволюции, демократической и политической эмансипации рабочего класса. По Плеханову, будущая Россия, выбравшая демократию, — это экономически, политически, демократически зрелое общество и сильное государство. Как писал Потресов, «Россия — кандидатка в колонию, в рабы, да! — такая Россия — не Россия Плеханова, это Россия, с которой всю свою жизнь боролся Плеханов»³¹.

Плеханов сумел нарисовать перспективу движения России к демократии и индустриальной цивилизации более точно, чем большинство его современников. Он указал на сложность модернизаторских процессов в русском обществе; на неоднозначность и противоречивость модернизации, осуществляющейся в условиях экономического и политического имперского деспотизма; на трудности в преодолении порожденного этим деспотизмом социального и политического обскурантизма массы, социума.

Справедливость плехановских оценок русской истории и революций подтверждается: сегодня, как и в начале XX века, мы все еще стоим перед необходимостью поиска сил, способных управлять процессами развития России к демократии и социальному равенству. Мы по-прежнему мистифицируем и фетишизируем понятия «демократия», «либерализм», «массы» применительно к российским условиям. Точность и реализм мно-

гих Плехановских аргументов — результат его многолетних и глубоких размышлений об истории России. К ним стоит прислушаться и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Потресов. Историческая роль Плеханова. — «Дело», 26 июня (13 июля) 1918 года, № 11—12.
- ² Там же.
- ³ Ф. Дан. К 10-летию смерти Г. В. Плеханова. — «Социалистический вестник», 1928, № 11, стр. 6.
- ⁴ См. об этом: Б. Николаевский. Вокруг юбилея Плеханова. — «Социалистический вестник», 1957, № 2—3, стр. 41.
- ⁵ Предложение написать историю русской общественной мысли Плеханов получил от книгоиздательства «Мир» в мае 1909 года, когда он жил в Италии. По замыслу Плеханова, работа должна была состоять из шести частей (Ч. 1. «Очерк развития русских общественных отношений»; Ч. 2. «Движение общественной мысли в допетровской Руси»; Ч. 3. «Движение русской общественной мысли в XVIII веке»; Ч. 4. «Общественная мысль в первой половине XIX века»; Ч. 5. «Движение общественной мысли эпохи Александра II»; Ч. 6. «Движение общественной мысли в последнюю четверть XIX века»). До начала войны Плеханову удалось написать и окончательно обработать две части. С августа 1914 года до Февральской революции 1917 года Плеханов успел написать третью часть (глава о Радищеве осталась незаконченной). Первый том вышел в июне 1914-го, второй — в конце 1915-го, третий — в конце 1916 года. Переехав в Россию после революции, Плеханов не имел возможности продолжить свою работу над «Историей».
- ⁶ Это впервые подметил Д. Рязанов (см. Д. Рязанов. Изменил ли Плеханов своему знамени? — «Наше слово», 3 декабря 1915 года; его же. Предисловие редактора к «Истории русской общественной мысли» — Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX. М.—Л., 1925). На сходство аргументов «Истории» и позиции Плеханова в годы войны и после Февральской революции указывал М. Покровский в лекциях «Борьба классов и русская историческая литература» (Пг., 1923) и в статье «Плеханов как историк России» («Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7).
- ⁷ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX, стр. 3—4.
- ⁸ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Часть первая. — Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX, стр. 12.
- ⁹ Там же, стр. 131.
- ¹⁰ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXI. М.—Л., 1925, стр. 207.
- ¹¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX, стр. 13.
- ¹² Там же, стр. 110.
- ¹³ Там же, стр. 84.
- ¹⁴ А. Потресов. Памяти Плеханова: к десятилетию со дня его смерти. — «Дни», 30 марта 1928 года.
- ¹⁵ Г. В. Плеханов. Год на Родине. Т. 2. Париж, 1921, стр. 53—54.
- ¹⁶ «Единство», 2 мая 1917 года.
- ¹⁷ «Единство», 20 мая 1917 года.
- ¹⁸ «Единство», 6 октября 1917 года.
- ¹⁹ «Единство», 8 сентября 1917 года.
- ²⁰ «Единство», 27 июля 1917 года.
- ²¹ Г. В. Плеханов. Речь на Московском государственном совещании. Давос, 1921, стр. 20.
- ²² «Единство», 27 июля 1917 года.
- ²³ Г. В. Плеханов. Год на Родине, т. 2, стр. 41.
- ²⁴ Там же, стр. 43.
- ²⁵ Г. В. Плеханов. Год на Родине, т. 1, стр. 101.
- ²⁶ Г. В. Плеханов. Открытое письмо к Петроградским рабочим. — ГОПБ, ОРК, Фонд листовок.
- ²⁷ Подробнее об этом см. С. В. Тютюкин. Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997.
- ²⁸ Л. Троцкий. Белые мысли о Г. В. Плеханове. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6, стр. 7.
- ²⁹ Г. В. Плеханов. Год на Родине, т. 1, стр. 27.
- ³⁰ Там же, стр. 108.
- ³¹ А. Потресов. Историческая роль Плеханова. — «Дело», № 11—12, 26 июня (13 июля) 1918 года.